



Этого человека либералы и революционеры ненавидели всей душой и к его имени непременно добавляли эпитет «вешатель». Эпитет перекочевал и в советские учебники истории. Впрочем, если верить легенде, граф сам в этом виноват. На вопрос, не родственник ли он декабриста Муравьёва, казнённого в 1825 г., он ответил: – Я не из тех Муравьёвых, которых вешают, я – из тех, которые вешают.

Кто же был этот человек, Михаил Николаевич Муравьёв, граф Виленский, ненавидимый одними, но глубоко почитаемый другими и получивший от Царя графский титул с почётной приставкой к фамилии?

Родился он 1 октября (ст. ст.) 1796 г. в родовитой дворянской семье, получил хорошее домашнее образование, поступил в Московский университет на физико-математический факультет, и в 14 лет при помощи отца организовал Московское общество математиков,

которое проводило бесплатные общественные лекции. Сам он читал лекции по начертательной и аналитической геометрии, которые в университете тогда не преподавали.

В 15 лет поступил в Школу колонновожатых, где готовили штабных офицеров. Получив чин прапорщика, был направлен в 1-ю Западную армию Барклая де Толли, в 16 лет участвовал в Бородинском сражении, был одним из защитников батареи Раевского, ранен в ногу и потом всю жизнь, прихрамывая, ходил с тросточкой. В 1813 – 1814 гг., после лечения, участвовал в Заграничном походе Русской Армии, во время которого, как многие русские офицеры, заразился идеями конституции, свободы, равенства, братства и прочей либерально-масонской чепухи, что, однако, никак не противоречило горячему патриотизму романтического юноши. По наивности он считал, что осуществление этих идей принесёт только благо любимой родине. Он даже стал членом Коренного совета Союза Благоденствия и являлся одним из авторов его устава.

К счастью, к 25-ти годам (1821 г.) Михаил Николаевич прозрел и тайное общество оставил. Тем не менее во время следствия по делу декабристов он был арестован, несколько месяцев просидел в Петропавловской крепости, но по личному указанию Николая I полностью оправдан. Мало того, увидев незаурядный ум, волевые и организаторские качества подследственного, Император назначил его на государственную службу: в 1827 г. он стал Витебским вице-губернатором, в 1828-м – Гомельским губернатором, в 1831-м – Гродненским губернатором, в 1835-м – Курским гражданским и военным губернатором.

Дальше пошла череда уже правительственных должностей: директор Департамента податей (1839), сенатор (1842), член Государственного совета (1857), министр Государственных имуществ (1857) в чине генерала от инфантерии (аналог генерала армии). Такая устойчивость служебной карьеры и такое устойчивое доверие самодержцев были вызваны выдающимися результатами работы М.Н.Муравьёва. На любой

должности он проявлял себя мудрым и рачительным хозяином, налаживал чёткую, согласованную работу подведомственных учреждений, безжалостно искоренял мздоимство и казнокрадство, насаждал законность, порядок и справедливость.

В вопросе о порядке отмены крепостного права у него были разногласия с Александром II, и в 1862 г. он ушёл отставку. Оказалось – ненадолго. В 1863 г. начался очередная польский мятеж, и о Муравьёве Александр Пвспомнил как о человеке решительном и, к тому же, хорошо знавшем Северо-Западный край. Ещё работая в Витебской и Гомельской губерниях, где русское (белорусское) население было в подавляющем большинстве, он видел, что господствующее положение там занимало польское дворянство и католическая церковь, которые предпринимали активные действия для ополячивания и окатоличивания белорусов, для отрыва их от общерусской культуры. Судопроизводство и даже школьное преподавание велось на польском языке и по польским учебникам.

Граф тогда направил Николаю I предложения по русификации этого края, включая введение в учебных заведениях и в судопроизводстве русского языка, отмену польских порядков в управлении, распространение на Белоруссию в полном объёме российских законов, закрытие Виленского университета как оплота иезуитов. Надо было разразиться польскому восстанию 1830 – 1831 гг., чтобы большинство его предложений было принято.

Заняв пост гродненского губернатора (1831 – 1835), он в энергично стал осуществлять свою программу: было закрыто несколько католических монастырей, уличённых в антигосударственной деятельности, арестовано и сослано много деятелей польского подполья, открыты учебные заведения с русским преподавательским составом, русский язык стал единственным в делопроизводстве. Тогда-то М.Н. Муравьёв и получил злобный эпитет.

В апреле 1863 года, через 4 месяца после начала восстания, Михаил Николаевич был назначен командующим военным округом и гражданским и военным губернатором Северо-Западного края, включавшего 6 губерний Литвы и Белоруссии. Чтобы представить, в какой обстановке ему пришлось работать и какое для этого требовалось мужество, надо помнить, что со стороны Англии, Франции и Ватикана начался жёсткий информационный и дипломатический прессинг с требованием предоставить Польше независимость в границах 1772 г. (т.е. с исконно русскими землями). Возникла реальная угроза интервенции западных стран. Далее, одновременно с польским восстанием в России начала заниматься терроризмом только что созданная «Земля и воля». Наконец, полякам сочувствовала вся российская «прогрессивная общественность», в том числе и высокопоставленные правительственные деятели.

Вот один характерный факт. Польские графы Платор и Моль захватили обоз с оружием, сопровождавшийся отставными солдатами, но у них его отбили крестьяне, и мятежники-дворяне пожаловались. Кому? Русским властям! Власти их арестовали? Нет. Шеф жандармов кн. Долгорукий поставил вопрос об использовании войск против этих крестьян. Сословная солидарность оказалась выше не только национальной и конфессиональной, но и выше государственной безопасности. И это притом что польские инсургенты (иррегулярные вооружённые отряды) творили зверства в отношении русских солдат и православного духовенства (всего от рук мятежников погибло более 1200 русских людей).

Вступив в должность и имея чрезвычайные полномочия, М.Н. Муравьев сразу же железной рукой стал наводить порядок. Умело координируя деятельность штатских и военных, он, прежде всего, быстро и жестко подавил восстание. «На плаху» было отправлено 128 особо опасных мятежников, запятнанных русской кровью, а в ссылки и арестантские роты – около 10 тысяч человек, схваченных с оружием в руках. Были конфискованы земли у дворян-участников восстания, а остальные польские поместья обложены высокими налогами, своего рода контрибуцией, что лишило мятеж материальной базы. Государственный аппарат был очищен от польского католического элемента. «Муравьев, – писал Л. А. Тихомиров, – был твердо уверен, что «русская идея» сильнее «польской идеи». Поэтому, без оглядки на выпады прогрессивной Европы и негодование сановных петербургских либералов, он действовал против политических врагов России решительно и твердо».

Главное же, он быстро разобрался, что, как и в 1830 – 31 гг., у восставших нет опоры в местном населении, поэтому следующим шагом были меры по привлечению на свою сторону крестьянства. За счёт конфискованной земли были увеличены крестьянские наделы. Временно обязанное состояние крестьян было отменено – на 20 лет раньше, чем в остальной России. Всё это снискало не просто глубокое уважение к нему, но и массовую поддержку со стороны забитых и бесправных белорусов, которые увидели, что для генерал-губернатора неприкасаемых нет. В деревнях крестьяне создавали в помощь армии так называемые дежурные караулы, вылавливавшие инсургентов. М.Н. Муравьев распорядился даже платить «караульным» деньги из полученной контрибуции.

Проделав за два года гигантскую работу, вырвав с корнем польское влияние на исконно русской территории и установив тот государственный порядок, который дальше следовало лишь поддерживать, он попросился в отставку, а через год скончался, не дожив одного месяца до 70 лет. На похоронах на Лазаревском кладбище Александровской лавры присутствовал сам Император, а в почётном карауле был выстроен весь Пермский полк, над которым шефствовал граф.

Памятник ему был установлен в 1898 г. в Вильно – городе, где находилась его генерал-губернаторская резиденция. В 1915 г., во время оккупации немцами, памятник был демонтирован и исчез. Современные белорусы, обязанные Михаилу Николаевичу самим своим существованием как субэтноса, памятник ему не поставили.

Как сказал поэт, «гвозди бы делать из этих людей!». Увы, этих людей очень не хватало в Российском государстве того времени. Вскоре после смерти Михаила Николаевича петербургская власть вновь начала смягчать режим в Западном крае, а губернатор Петербурга Суворов даже публично назвал Муравьева людоедом. Такие сановники и вели Россию к Катастрофе 1917 года.

Примечание. О «гуманизме» зарубежных обличителей М.Н. Муравьева уместно напомнить несколько интересных фактов. После подавления волнений 1848 г. во Франции было казнено и сослано на каторгу 35 тыс. чел. При подавлении восстания сипаев в Индии в 1857 – 1859 гг. число убитых англичанами повстанцев исчислялось десятками тысяч. Потери восставших в 1848 г. ирландцев-католиков в результате картофельного голода и репрессий англичан составили 1,5 млн. чел. Причём ни одного протеста со стороны Ватикана в защиту своих единоверцев не последовало.